

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1987

Сборник статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1987

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	3 сл.	А. В. Ревякин	Г. С. Кучеренко
76	8 сл.	féforme	réforme
81	11 сл.	Thédrie	Théorie
173	6 сл.	el	et
173	12 сл.	sclete	scelte

Заказ № 3083

СТАТЬИ

А. Э. Штекли	Энгельс и английский перевод «Коммунистического манифеста» (1850)	3
А. В. Ревякин	Этьен Кабе о французских буржуазных революциях	25
К. М. Андерсон	Мексиканский проект Роберта Оуэна	47
Г. В. Аксенова	Барбье и Керар об авторе «Кодекса природы»	69
С. Я. Карп	Бриссо об «Утопии» Томаса Мора (80-е годы XVIII в.)	76
Э. И. Валлич	Проект аграрной реформы Огилви	86
Е. К. Кузьмичева	Идея справедливости в трудах Б. Х. Фейхоо-и-Монтенегро	100
В. Ф. Мордвинцев	«Синания» — испанская утопия неизвестного автора	112
Т. А. Цавлова	О зарождении коммунистических воззрений Уинстэна	129
В. Д. Балакин	Община в утопии Андреэ	154
Л. С. Чиколени	«Политические афоризмы» Кампанеллы	172
О. Ф. Кудрявцев	Гуманистические представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора	197
Ю. К. Некрасов	Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества	215

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Н. Осиновский	Исследование или памфлет? (О книге Дж. Ридли «Государственный деятель и фанатик. Томас Уолси и Томас Мор». Л., 1982)	235
------------------	--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Володарский	Ганс Гергот и утопия «О новом преобразовании христианской жизни» (Вступ. ст., пер. с нем. и коммент.)	252
-------------------	---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Ревякин	А. Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М.: Наука, 1983. 272 С.	274
О. Ф. Кудрявцев	G. M. Logan. The meaning of More's «Utopia». Princeton: University Press. 1983. 296 p. Дж. М. Логан. Значение «Утопии» Мора. Привстон. 1983. 296 С.	279

Этьен Кабе
о французских буржуазных
революциях

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Перед исследователем воззрений Этьена Кабе, одного из самых популярных в середине XIX в. теоретиков и пропагандистов утопического коммунизма, стоит еще много нерешенных проблем. Среди них — проблема идейно-политических истоков его учения, в частности влияния размышлений Кабе об уроках истории Франции конца XVIII — первой половины XIX в. на формирование и развитие его коммунистических убеждений.

По этому вопросу в историографии высказывались взаимоисключающие мнения. Так, В. П. Волгин писал: «Социальная философия Кабе не отражает... уроков Французской революции...»¹ Однако еще за четыре десятилетия до него знаток жизни и творчества Кабе французский историк Жюль Прюдомо прямо называл его коммунистическую теорию «эманацией и как бы запоздалым плодом Французской революции»².

Одна из основных причин разногласий заключается в том, что публицистическое наследие Кабе изучено неравномерно. Из поля зрения исследователей фактически выпали его произведения на исторические темы. Некоторые из них остались в рукописи («Краткое изложение всемирной истории», «Краткая история Англии»). Но другие были изданы и имели успех. В их числе «Революция 1830 г.»³, «Народная история Французской революции»⁴, введением к которой служил «Очерк истории французов», а также брошюра «Восстание 23 июня»⁵, посвященная событиям революции 1848 г.

Об этих произведениях, которые можно отнести к жанру

¹ Волгин В. П. Этьен Кабе // Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 11; Он же. Французский утопический коммунизм. М., 1979. С. 181.

² Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907. P. 143.

³ Cabet E. Révolution de 1830 et situation présente (septembre 1832) expliquées par les révolutions de 1789, 1792, 1799 et 1804 et par la Restauration. P., 1832. (Далее: Cabet, 1830).

⁴ Cabet E. Histoire populaire de la Révolution française de 1789 à 1830 précédée d'une introduction contenant le Précis de l'histoire des français depuis leur origine jusqu'aux Etats — Généraux. P., 1839—1840. Т. 1—4. (Далее: Cabet, HPRF).

⁵ Cabet E. Insurrection du 23 juin avec ses causes, son caractère et ses suites, expliquée par la marche et les fautes de la Révolution du 24 février. P., 1848. (Далее: Cabet, 23 juin).

исторической публицистики, в литературе можно встретить лишь краткие, за редким исключением, упоминания⁶. Это тем более удивительно, что сам Кабе придавал им большое значение, называя «практическим курсом философии, морали и политики»⁷, а на свои исторические занятия указывал как на решающий фактор перехода к коммунизму. «Изучая и излагая историю,— писал он,— я был поражен зрелищем разыгрывающихся всегда и повсюду стольких гражданских волнений, революций, всегда столь разделенного смутой общества, всегда столь несчастного человечества. Я стал искать их причину, чтобы найти от них целительное средство...»⁸ В заслугу Ж. Прюдомо можно поставить то, что в своей книге, посвященной деятельности Кабе как «социального экспериментатора», он уделит внимание «Народной истории Французской революции»⁹.

Историко-публицистические произведения Кабе позволяют прежде всего проследить влияние занимавших большое место в его жизни раздумий об опыте буржуазных революций на формирование и развитие его коммунистических убеждений в течение продолжительного времени от начала 1830-х годов до 1848 г.

Рассмотреть их важно и по другой причине. В литературе за Кабе, как известно, закрепилась репутация последовательного представителя антиреволюционного, «мирного», или «пацифистского», течения утопического коммунизма. Тому в подтверждение обычно приводится его знаменитое высказывание: «...если бы я держал революцию в своей руке, я оставил бы ее закрытой, даже если бы мне пришлось из-за этого умереть в изгнании»¹⁰. Однако высказываются и сомнения в правильности общепринятой точки зрения¹¹. Работы Кабе, посвященные истории революции XVIII в., 1830 и 1848 гг., исключительно важны для уточнения его места в борьбе течений утопического коммунизма.

В этой связи нельзя обойти и проблему отношения Кабе к классовой борьбе. Распространено мнение, будто он был очень далек от реалистической оценки общественных противоречий.

⁶ Мещеряков И. Л. Этьен Кабе и его «Икарня» // Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.; Л., 1935; Волгин В. П. Этьен Кабе; Он же. Французский утопический коммунизм; Кузнецов К. Т. Критически-утопический коммунизм Этьена Кабе // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1974. № 6; Люкс Г. Этьен Кабе и икарыйский коммунизм. СПб., Б. г.; Bonnard F. Cabet et son oeuvre. P., 1900; Prudhommeaux J. Op. cit.; Angrand P. Etienne Cabet et la république de 1848. P., 1948; Johnson Ch. Etienne Cabet and the Problem of Class Antagonism // International Review of Social History. 1966. N 3; Idem. Utopian communism in France. Cabet and the Icarians, 1839—1851. Ithaca; L., 1974; Höppner J., Seidel-Höppner W. Von Babeuf bis Blaquie: Französische Sozialismus und Kommunismus vor Marx. Leipzig, 1975. Bd. 1. S. 318—336 etc.

⁷ Cabet E. Comment je suis communiste et mon credo communiste. P., 1845. P. 2.

⁸ Ibid. P. 2—3.

⁹ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 100—125.

¹⁰ Кабе Э. Указ. соч. М.; Л., 1948. Ч. 2/3. С. 489.

¹¹ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 1. С. 324—325; Johnson Ch. Etienne Cabet... P. 435.

В частности, В. П. Волгин отмечал: «Среди социальных мыслителей первой половины XIX в. немало наивных утопистов. Но рационалистический утопизм Кабе резко выделяется даже на этом фоне. Трудно понять, как мог писатель 40-х годов до такой степени игнорировать рост классовых противоречий и обострение классовой борьбы в окружающем его обществе»¹². Современный американский исследователь Кристофер Джонсон пришел к прямо противоположному выводу. Он пишет, что подход Кабе «к социальному вопросу был не столь „утопичен“, как следует из существующей историографии. В 1845—1847 гг. его оценка классового антагонизма и сопутствующих ему явлений демонстрирует довольно ясное, если не сказать проницательное, понимание меняющихся реальностей 1840-х годов»¹³.

Наконец, интерес к этой части публицистического наследия Кабе обусловлен и задачей изучения того, как буржуазные революции повлияли на развитие утопического социализма и коммунизма в первой половине XIX в.¹⁴

Ко времени создания своего первого историко-публицистического произведения Кабе был уже зрелым политиком, видным деятелем левого крыла либеральной оппозиции режимам Реставрации и Июльской монархии. В 1820-е годы он входил в состав «верховных вентри» карбонариев, сблизился с влиятельными фигурами либерализма, а в 1831 г. был избран в палату депутатов парламента, где занял место на скамьях «крайней левой».

Приняться за работу над «Революцией 1830 г.» Кабе побудило глубокое разочарование итогами «трех славных дней» и первыми шагами Июльской монархии. Подобное разочарование испытали в то время и многие другие представители левых кругов, впоследствии приобщившиеся к идеям утопического социализма и коммунизма¹⁵. Выясняя причины того, почему Июльская революция не оправдала надежд демократов и республиканцев, Кабе обращается к истории ее великой предшественницы XVIII в. «В самом деле...— пишет он,— сколько полезных уроков и предостережений можно было бы почерпнуть из ее опыта как для народов, так и для правительств!»¹⁶

С точки зрения литературной формы «Революция 1830 г.» далеко не безупречна. «Слишком пространная для памфлета, слишком страстная и пристрастная для исторического сочинения», она, по словам Прюдомо, «написана небрежно, без поправок и порядка»¹⁷. Но эта работа дает отчетливое представление об идейно-политических позициях Кабе в оценке прошлого Фран-

¹² Волгин В. П. Этьен Кабе. С. 28—29.

¹³ Johnson Ch. Etienne Cabet... P. 407.

¹⁴ Важность и актуальность этой задачи подчеркивается в работе: Кузнецов К. Т. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии. XV — первая половина XIX в. М., 1931. С. 211—236.

¹⁵ См.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. С. 84—125.

¹⁶ Cabet, 1830. P. IV.

¹⁷ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 52.

ции. «Руководящим» для него является принцип «суверенитета нации». С его осуществлением Кабе связывает надежды на установление во Франции демократии. Необходимым дополнением этого принципа он считает «улучшение участи народа»¹⁸.

Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что историю революций XVIII в. и 1830 г. Кабе рассматривает, исходя из признания борьбы общественных классов. Очевидно, здесь сказалось влияние одного из «отцов» буржуазной теории классовой борьбы — Франсуа Минье, основной труд¹⁹ которого Кабе часто цитирует.

Французскую революцию XVIII в. Кабе понимает как столкновение трех основных сил — аристократии, ожесточенно цепляющейся за свои привилегии, буржуазии и народа, добивающихся удовлетворения законных требований. Поворотные моменты ее истории он связывает с резкими изменениями в соотношении этих сил. «Революция 1789 г., — пишет он, — привела к триумфу буржуазии, а революция 1792 г. — к триумфу народных масс». Но «с разоружением предместий» в 1795 г. народ становится жертвой «дворян, аристократов и буржуа», объединившихся против него²⁰. Кабе дает социальную характеристику основных революционных партий. Так, конституционалистов-феллянов он упрекает в стремлении «сосредоточить всю власть в руках буржуазии, боящейся народа»²¹. Опорой партии жирондистов он считает «буржуа» и «торговцев»²². И только монтаньяры, по его мнению, последовательно выступают от имени «народа»²³.

Нельзя, однако, преувеличивать степень проникновения Кабе в социальную суть революционных событий. Если борьбу буржуазии и народа против аристократии он считает справедливой и необходимой, то борьбу между буржуазией и народом он расценивает лишь как трагическую случайность, нелепое заблуждение революционеров и чаще всего следствие пропсков аристократии²⁴. Мыслью о единстве «высших интересов» буржуазии и народа проникнуты его представления о Французской революции. Основной причиной ее поражения Кабе считает именно политический раскол между буржуазией и народом.

В истории Французской революции Кабе обнаруживает неиспользованные возможности примирения обеих социальных сил. Так, возможность скрепить их политическое единство давала, по его мнению, конституция 1791 г.²⁵ Он отдает ей бесспорное преимущество даже перед якобинской конституцией 1793 г., которая, по его словам, «предоставляя народу прямое участие в правлении, была, быть может, слишком демократической для своего време-

ни» и, следовательно, не могла «примирить права и интересы всех классов общества»²⁶.

И все-таки он связывает свой пока еще самому неясный общественный идеал с господством не конституционалистов, а якобинцев, которым уделяет особое внимание. Правда, под влиянием Минье оно обращено не столько на социальную политику якобинцев, сколько на их борьбу против контрреволюции. Но Кабе предчувствует в якобинской диктатуре некий образец гармонического единства нации, вдохновляемой высокими патриотическими идеалами. Франция этого времени рисуется ему «не чем иным, как гигантской военной мастерской... Все граждане являются либо рабочими, либо солдатами; мужчины, женщины, дети, старики — все участвуют в общем деле обороны»²⁷.

С положительной оценкой якобинской диктатуры связано у Кабе представление о решающей роли «народа» в истории революции. Именно на гребне его «триумфа» в 1792 г. приходят якобинцы к власти. Именно он после переворота 9 термидора пытается остановить нарастание «реакции»²⁸. Однако поражение восстаний 12 жерминаля и 1 прерияля привело к тому, что, по словам Кабе, народ, «истощивший свои силы в обороне территории, вынужденный заяться исключительно трудовой деятельностью, чтобы обеспечить себя и своих детей, не имея ни времени, ни места для проведения собраний... по-видимому, отстранился от политики»²⁹.

Уход народа с арены политической борьбы в ответственной момент рассматривается Кабе как неизбежное следствие его угнетенного положения. Кабе приходит к выводу об органической неспособности трудящихся масс, постоянно озабоченных нуждой, на последовательную борьбу за четко очерченные цели. А недостаток просвещения и связанная с этим политическая наивность делают его игрушкой в руках ловкого интригана и демагога, преследующего корыстные цели³⁰. Опыт Французской революции убеждает его в жизненной необходимости единства народа с буржуазией.

Уроки прошлого Кабе кладет в основу оценок Июльской революции. В правомерности такого подхода он не сомневается, потому что рассматривает ее как один из этапов процесса, начавшегося в 1789 г. «...Контрреволюция, которую совершила Реставрация, — пишет он, — была истинной причиной революции 1830 г., возврат к принципам 1789 г. — ее истинной целью, а установление подлинного суверенитета нации должно было стать ее истинным следствием»³¹.

В Июльской революции Кабе видит борьбу трех партий — кар-

¹⁸ Cabet, 1830. P. 92.

¹⁹ Mignet F. Histoire de la Révolution française. P., 1825.

²⁰ Cabet, 1830. P. 161.

²¹ Ibid. P. 17.

²² Ibid. P. 32.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 16.

²⁵ Ibid. P. 8.

²⁶ Ibid. P. 94.

²⁷ Ibid. P. 34.

²⁸ Ibid. P. 35.

²⁹ Ibid. P. 161.

³⁰ Ibid. P. 46.

³¹ Ibid. P. IV.

листской (т. е. легитимистской, партии сторонников свергнутого короля Карла X), народной и «золотой середины», которые, как нетрудно догадаться, представляют уже знакомые по истории революции XVIII в. социальные силы. Необходимость борьбы буржуазии и народа в защиту своих прав против режима Реставрации не вызывает у Кабе сомнений. Но он осуждает политический раскол между буржуазией и народом.

Ответственность за раскол нации Кабе всецело возлагает на «главарей» партии «золотой середины», которая за спиной народа «овладела революцией», чтобы воспользоваться ее плодами, дает им меткую, реалистическую характеристику, определяя их как «финансовую и буржуазную аристократию, ненасытную и скучную, более ограниченную, мелочную, заносчивую и бесчеловечную, чем аристократия крови»³²; как «денежных воротил... не имеющих иной родины, кроме биржи»³³.

Июльскую монархию, как бы остановившуюся на полпути между свернутым аристократическим порядком и тем истинно демократическим, который являлся целью революции, он называет «системой золотой середины». Половинчатая и неустойчивая, она неизбежно обрекает Францию на внутренние конфликты и раздоры. Ее сущностью Кабе считает «сохранение аристократического принципа путем *сопротивления* прогрессивному и народному *движению*, революции, духу свободы и равенства»³⁴.

Между тем, по убеждению Кабе, Июльская революция должна была «в первую очередь обеспечить права народа и гарантировать интересы этого самого многочисленного и, следовательно, самого грозного, самого полезного и, следовательно, наиболее заслуживающего благосклонность законодателя класса»³⁵. Такова принципиальная задача революции. «...Разве может страна,— вопрошает он,— где народ не получает надлежащего *питания, одежды и образования*... где нищета соседствует с роскошью и насыщаются миллионы людей, влачащих жалкое существование... гордиться какой-то *славой, справедливостью, нравственностью* или хотя бы *цивилизованностью*?»³⁶

Нельзя не увидеть в высказываниях Кабе понимания классово-вой ограниченности, половинчатости Июльской революции, как, впрочем, и того, что в этом отношении он оставался в рамках представлений, распространенных тогда в левых политических кругах³⁷. Кабе отдает отчет в реальности конфликта между буржуазией и народом. Более того, он предвидит его дальнейшее обострение, если правительство Июльской монархии не уступит народным требованиям. Правда, Кабе в какой-то мере еще отож-

дествляет этот конфликт с прежними битвами всего третьего сословия против старого порядка. Он предупреждает, что народ, «обреченный на политический илотизм» и «доведенный до отчаянной нищеты», не станет бесконечно терпеть и что грядет новая «борьба между аристократией и демократией»³⁸. Но, предвидит Кабе, эта борьба затронет уже не только форму государства, как все прежние революции, но и самые основы общества. «...Сопротивление аристократии народу,— указывает он,— представляет собой настоящую язву, которая разъедает общество; это не только *политическая язва*, это еще и *язва социальная*»³⁹. Примечательно, что Кабе с симпатией отзывается о «бесстрашных лионских рабочих», выдвинувших лозунг: «Жить работая или умереть сражаясь!»⁴⁰

Пугая правящие верхи такой альтернативой, сам Кабе ее отвергает. Случайный, проходящий характер раскола между буржуазией и народом не подлежит для него сомнению.

Как повернуть ход событий в направлении целей, так и не достигнутых Июльской революцией? Опыт 1830 г. укрепляет скептицизм Кабе относительно революционных методов борьбы. Народ, сражавшийся на баррикадах, снова был принесен в жертву своекорыстным интересам. Поэтому Кабе заявляет: «Революции всегда являются опасным лекарством, применять которое следует лишь в том случае, если страдания становятся невыносимыми»⁴¹.

Опираясь во многом на уроки, извлеченные из опыта обеих революций, Кабе выдвигает программу мирных демократических преобразований. В ее основу положено несколько идей, характеризующих его мировоззрение в это время.

Прежде всего Кабе исходит из убеждения в абсолютной противоположности старому аристократическому порядку нового, демократического, который должен возникнуть в результате полного осуществления «принципов 1789 г.» Согласно его представлениям, буржуазный порядок Июльской монархии был не закономерным итогом обеих революций, а случайным следствием заблуждений и ошибок, помешавших довести борьбу с аристократией и деспотизмом до логического конца. Такому умонастроению соответствовала и принятая им терминология — «система золотой середины», «новая аристократия» и пр.,— которая являлась реминисценцией предыдущей эпохи.

Далее, во всем многообразии выявленных им общественных противоречий Кабе признает определяющим и необходимым единственно противоречие между аристократией, с одной стороны, буржуазией и народом — с другой. Не отрицая конфликта между последними. Кабе считает его несущественным, случайным.

³² Ibid. P. 162.

³³ Ibid. P. 377.

³⁴ Здесь и далее в цитатах подчеркнута Кабе. Ibid. P. 153.

³⁵ Ibid. P. 97.

³⁶ Ibid. P. 97—98.

³⁷ См.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. С. 120; Goblot J.-J. Pierre Leroux après les «Trois glorieuses» (juill — nov., 1830) // La Pensée. 1976. Mars-avr. P. 52—56.

³⁸ Cabet, 1830. P. 161—162.

³⁹ Ibid. P. 162.

⁴⁰ Ibid. P. 382.

⁴¹ Ibid. P. 386.

Наконец, он убежден в неизбежности интервенции реакционных монархов Европы в целях восстановления на троне «законной» династии Бурбонов, поскольку «революция во Франции и принцип легитимности несовместимы»⁴². Перед лицом революции, даже такой половинчатой, как Июльская, «сама судьба», полагает Кабе, обрекает на войну против Франции все легитимные монархии, поставленные перед выбором — либо уступить дорогу прогрессу и тем самым подписать себе смертный приговор, либо задушить в зародыше любую попытку перемен.

Неизбежность интервенции и вытекающая из этого необходимость сплочения всех «патриотических» сил в интересах обороны и должны были, по мысли Кабе, способствовать восстановлению политического единства буржуазии и народа. Кабе считает непреложной истиной, что «громадное большинство золотой середины... настроено также патриотически», как и народ, как республиканцы и демократы⁴³.

Как видно, политическая программа Кабе начала 1830-х годов вдохновлялась революционной эпохой конца XVIII в. и отражала свойственные ей объективные черты, такие, как противоположность буржуазии и трудящихся масс феодальной аристократии и абсолютистскому строю, политическая несамостоятельность народных движений, незрелость антагонизмов капитализма и т. д.

И все же нельзя недооценивать черты реализма в оценке действительности, которую содержит данное произведение Кабе. Они во многом связаны с его отношением к «социальному вопросу». В 1830-е годы этот вопрос все больше занимает широкие общественно-политические круги⁴⁴. При этом большинство буржуазных либералов ставят его решение в прямую зависимость от успехов капиталистического развития, которое якобы всем предоставляет возможность «обогащения посредством труда и бережливости». Наоборот, Кабе склоняется к мнению, что именно решение «социального вопроса» является предпосылкой благополучия Франции в будущем.

Разочарование Кабе половинчатыми результатами революций облечено в форму унаследованного от просветителей ожидания грядущего нового миропорядка. Поэтому он воспринимает как измену демократическим идеалам переход многих из его либеральных друзей на сторону буржуазного порядка Июльской монархии. Он выражает свое «горестное возмущение» тем, что «карбонарии вдруг оказались ренегатами, предателями, перебежчиками и гонителями своих старых друзей (т. е. республиканцев и демократов.— А. Р.)»⁴⁵. Кабе прямо заявляет о разрыве с ними,

несмотря на «чувства уважения и привязанности», которые он к ним лично питает⁴⁶.

Идейные искания Кабе в эту пору отражает его явное внимание к якобинской диктатуре. Правда, пока его осведомленность о ней оставляет желать лучшего. Ему практически неизвестны общественно-политические взгляды якобинцев. И тем не менее интерес Кабе к ним представляется немаловажным симптомом радикализации его воззрений в начале 1830-х годов.

В 1834 г. преследования французских властей заставили Кабе уехать на пять лет в Англию. Пребывание в этой стране он использовал для создания серии доступных народу книг по истории. В ходе более углубленного изучения прошлого и произошел переворот в мировоззрении Кабе, отразившийся в самом крупном из написанных им произведений на исторические темы — «Народной истории Французской революции». За обстоятельность, использование разнообразных источников Приюдомо назвал ее в отличие от «Революции 1830 г.» «серьезной заявкой... на почетное звание историка»⁴⁷. Это произведение дает, пожалуй, единственную возможность проследить за мыслью Кабе в период оформления его коммунистических убеждений. «В первых частях... справедливо отмечал В. П. Волгин, — он выступает еще как буржуазный демократ; лишь начиная с IV части сказываются его новые коммунистические взгляды»⁴⁸.

Выражая намерение написать «демократическую по духу» историю Французской революции, Кабе на первых страницах формулирует свое кредо, еще близкое идеям «Революции 1830 г.»

Но уже во втором томе он отмечает, что коренного улучшения положения народных масс не добиться лишь путем предоставления богатому и бедному равных прав, поскольку «для того, кто умрет от голода, если откажется от жалованья... никогда нет подлинной свободы! Нищий рабочий является настоящим *рабом нищеты!*»⁴⁹. Отвергает Кабе и путь частичных реформ. Он прямо пишет, что даже повышения заработной платы «было бы недостаточно для надлежащего улучшения судьбы рабочего». Поэтому, заключает Кабе, «наиболее подходящей для того, чтобы обеспечить счастье всем членам общества», является некая, как он еще неопределенно выражается, «целостная система» преобразования общества⁵⁰. Он обещает в дальнейшем изложить проект такой системы.

Наконец, в четвертом томе Кабе прямо заявляет: «...единственным средством покончить со всеми пороками, преступлениями, раздорами и революциями, единственной гарантией порядка, мира и всеобщего счастья» является «доктрина общности»⁵¹. Он

⁴² Ibid. P. 171—172.

⁴³ Ibid. P. 377.

⁴⁴ См.: Заборов М. А., Хасина Г. В. К предистории Марксовой концепции пролетариата: («Рабочий вопрос» в науке и публицистике 30—40-х гг. XIX в.) // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977.

⁴⁵ Cabet. 1830. P. 203.

⁴⁶ Ibid. P. 204.

⁴⁷ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 100.

⁴⁸ Волгин В. П. Этьен Кабе. С. 9.

⁴⁹ Cabet. HPRF. T. 2. P. 233.

⁵⁰ Ibid. P. 234.

⁵¹ Ibid. T. 4. P. 333.

не излагает ее подробно, отсылая читателей к вышедшему из печати одновременно с «Народной историей Французской революции» своему «Путешествию в Икарию». Однако характеризует ее суть — идею «реального равенства» между людьми на основе общности имуществ как предпосылки подлинных свободы и братства.

Именно этой идеей руководствуется теперь Кабе в оценке свершений революции. Принцип фактического равенства для него важнее «суверенитета нации» и даже «суверенитета народа», на который неоднократно ссылается⁵².

Оставаясь в обосновании своего социального идеала преимущественно в рамках «юридического способа мышления»⁵³, Кабе использует опыт истории для подтверждения истинности пропагандируемой им доктрины. В сущности, «Народная история Французской революции» призвана фактами и аналогиями прошлого подкрепить коммунистическую теорию, систематически изложенную в утопии «Путешествие в Икарию». Содержание нового исторического труда свидетельствует как о переменах, так и о преемственности в воззрениях автора. Подчас уже знакомые по раннему произведению наблюдения и оценки приобретают в ней лишь иные акценты.

Революция XVIII в. рассматривается, как и раньше, с позиций признания борьбы между аристократией и «демократией», с одной стороны, и между буржуазией и народом внутри «демократии» — с другой. Но противоречия между последними изображаются на этот раз рельефней. Обстоятельнее характеризуется своекорыстная политика буржуазии. Конкретнее освещено бедственное положение народа. Да и сам «народ», выглядевший прежде у Кабе аморфной массой, теперь иногда уступает место «рабочим», «пролетариям».

Для характеристики воззрений Кабе по вопросу о классовой борьбе важно отметить, что в «Народной истории Французской революции» он подвергает резкой критике концепции либерально-буржуазных историков, особенно Адольфа Тьера, труд которого имел успех⁵⁴. Разоблачая тенденциозность его книги, Кабе указывал: «...ведь именно буржуазную революцию защищает в ней автор и защищает против нововведений демократии... Почти то же самое я сказал бы и об истории Минье»⁵⁵.

В целом рисуемая Кабе картина социальных противоречий Франции конца XVIII в. проникнута драматизмом, отражающим обостренное восприятие современной действительности. «Если буржуазия, — пишет он, — упрямо желает превратить народ в раба, то возмущенный народ с каждым днем набирается решимости вернуть свои права и свободу силой: отсюда — война между буржуазией и народом; и эта война еще более жестока, чем та,

которую они вместе ведут против аристократии, потому что буржуазия боится народа больше, чем аристократию, равно как народ упрекает буржуазию в большей несправедливости и неблагодарности, чем дворянство и духовенство»⁵⁶.

Как справедливо отмечают историки из ГДР Йоахим Хепнер и Вальтрауд Зайдель-Хепнер, Кабе «относится к революционному движению масс с нескрываемой симпатией»⁵⁷. Он изображает народ главным действующим лицом и основной движущей силой революции, показывает его решающую роль в защите ее завоеваний и углублении процесса преобразований.

Воспринимая конфликт между буржуазией и народом как бесспорную реальность, Кабе даже склонен заострить его в своей истории Французской революции. И делает он это, по-видимому, не без расчета. Тем самым он стремится еще убедительней показать, что раскол между этими социальными силами привел к поражению революции. В данном произведении Кабе по-прежнему чужд представлению о непримиримости, антагонистичности противоречий внутри бывшего третьего сословия.

Источником разногласий в стане «демократии» он, как и прежде, считает «макьявеллизм» аристократии, прибегающей в борьбе с революцией к «обману, расколу, обольщению, подкупу»⁵⁸. Сурово судит Кабе и политические нравы вождей буржуазии.

Но Кабе глубже, чем прежде, понимает социальную обусловленность этих и других пороков общественной жизни. Он связывает их уже не только с политической «системой» и даже не с «плохим воспитанием», которому, впрочем, придает большое значение, а с устройством самого общества, «социальной организацией», закрепляющей фактическое, материальное неравенство людей. Именно она, по его словам, «порождает эгоизм и алчность, делает неизбежными подкуп и продажность, создает чернь, обрекая ее на нищету и невежество, и... развращает власть...»⁵⁹.

Внимание к социальной «организации» прямо объясняется новыми коммунистическими убеждениями Кабе. Переворотом в мировоззрении обусловлен и радикальный пересмотр некоторых оценок революционной истории. Прежде всего меняется его взгляд на платформу единства буржуазии и народа, образцом которой он раньше считал Конституцию 1791 г.

«Формулу» примирения их интересов Кабе ищет теперь в идеологии и политике якобинской диктатуры, которая, как он полагает, сумела реализовать единство нации, обеспечить социальную гармонию всех классов. «Якобинцы и Коммуна, — отмечает Кабе, — являются избранными, просвещенными, вдумчивыми и рассудительными буржуа, тогда как секции представляют преимущественно народ, в большинстве пролетариев, тяжело пе-

⁵² Ibid. Т. 1. Р. 85; Т. 3. Р. 272; Т. 4. Р. 575.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 497.

⁵⁴ Thiers A. Histoire de la Révolution française. P. 1823—1827. Т. 1—8.

⁵⁵ Cabet, HPRF. Т. 1. Р. VI.

⁵⁶ Ibid. Т. 2. Р. 107.

⁵⁷ Höppner J., Seidel-Höppner W. Op. cit. S. 332.

⁵⁸ Cabet, HPRF. Т. 1. Р. 153.

⁵⁹ Ibid. Т. 2. Р. 406.

реживающий свою нищету, бедствия и несправедливость общества, способный скорее на энергичные действия, чем на рефлексию»⁶⁰. Кабе уделяет большое внимание воззрениям якобинцев, многократно и пространно цитируя высказывания их руководителей, особенно Робеспьера, которому, безусловно, отдает предпочтение. Кабе называет его «воплощением революции и народа»⁶¹.

Одной из предпосылок сплочения нации вокруг якобинцев Кабе, как и раньше, считает то, что они приняли «систему народной и революционной войны» против внутренней и внешней контрреволюции⁶². Но в первую очередь, подчеркивает он, единству способствовало охватившее Францию в период с 31 мая 1793 г. по 9 термидора «великое движение социальных и политических преобразований, глубоких реформ в направлении великой филантропической цели, огромного прогресса в осуществлении равенства, великих принципов морали, справедливости, честности и добродетели, в духе подлинного возрождения»⁶³. Иными словами, Кабе приписывает якобинцам попытку глубокого преобразования общества в соответствии с тем идеалом равенства, из которого он выводит собственную «доктрину общности».

Вопрос о том, почему якобинцы и сам Робеспьер не только не поддержали идею общности, но даже осудили ее как «химерическую», ничуть Кабе не смущает. Якобинцы, утверждает он, поступали так лишь по причине ее «несвоевременности», считая необходимым подходить к ее осуществлению «постепенно», «теми путями, которые, по их суждению, наиболее благоприятствовали успеху»⁶⁴. Но в том, что якобинцы рано или поздно приняли бы доктрину общности, Кабе убежден полностью. Если бы Робеспьер победил 9 термидора, то, пишет он, «нет сомнения, что... победоносная революция обеспечила бы переустройство мира на благо человечества»⁶⁵.

Рассматривая якобинцев как прямых предшественников в борьбе за коммунистический идеал, Кабе стремится извлечь для себя уроки из их опыта. Важнейшим является признание за идеей подлинного равенства, опирающегося на общность имуществ, огромной вдохновляющей силы, способной увлечь основную массу как буржуазию, так и народа. Согласно Кабе, об этом свидетельствует вся практика якобинской диктатуры. Он даже критикует якобинцев, не замечая собственной непоследовательности, за то, что они не придали должного значения этой моральной силе, чем невольно способствовали своему поражению. «Если бы Робеспьер и Сен-Жюст,— пишет Кабе,— приняли социальную систему общности... составили развернутый план коммунитарной организации... и опубликовали его... то народ, Комитет общественного

спасения и Конвент поддержали бы их и строй общности был бы постепенно осуществлен...»⁶⁶. Опыт якобинской диктатуры служит Кабе как бы подтверждением, только «от противного», всегда близкой ему идеи Просвещения, что «мнения правят миром». Он убеждает его в необходимости публично выступить с изложением собственной программы.

Далее, опыт якобинской диктатуры служит Кабе примером того, что величие идеала не может само по себе уберечь людей, сражающихся за него, от пагубных последствий несовершенства общества и самого человека, которые, по его представлению, лежали у истоков всех ошибок, всех трагических случайностей революции. Он уличает в безнравственности членов Комитета общественного спасения, слишком потакавших собственным «гордыне, тщеславию, мелким и дурным человеческим наклонностям»⁶⁷. Не закрывает он глаза на недостатки даже Робеспьера, идеализации которого в демократической историографии XIX в. сам, по-видимому, немало способствовал. Даже этот, по его словам, «наиболее способный» и «преданный делу народа» вождь, «истинный философ», виноват в том, что в критический момент поддался настроению и не сумел пойти «на любые личные жертвы, необходимые для сохранения единства»⁶⁸. Именно с последствиями человеческих пороков и даже простительных при иных обстоятельствах слабостей связывает Кабе раскол среди якобинцев, падение их диктатуры да и поражение революции в целом. Описывая события, предшествовавшие 9 термидора, он восклицает: «Следовательно, после стольких жестоких сражений, опасностей и побед, когда корабль революции успешно избежал столько бурь и достиг заветной гавани, именно *себялюбие ... ревность и зависть* погубят революцию! Бедное человечество!»⁶⁹.

Все это усиливает скептическое отношение Кабе к революции, как ненадежному и к тому же связанному с неизбежными лишениями для народа средству борьбы за изменение общества. Он указывает: «...необходимость прибегать к ужасному лекарству революций из-за предательства королей всегда является огромным несчастьем для народов»⁷⁰. Он подтверждает свою приверженность «мирному пути отмены притеснительных законов»⁷¹, подчеркивая, что и сам народ всегда «предпочитал мирную реформу новой насильственной революции»⁷². Только упрямое сопротивление правительства законным требованиям народа вынуждает его обращаться к насилию. «Если происходит революция,— заключает Кабе,— то это всегда по вине королей»⁷³.

Разъясняя причины своего скептицизма, Кабе пишет: «...лов-

⁶⁶ Ibid. P. 329.

⁶⁷ Ibid. P. 34.

⁶⁸ Ibid. P. 33.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. T. 2. P. 233.

⁷¹ Ibid. P. 207.

⁷² Ibid. P. 89.

⁷³ Ibid.

⁶⁰ Ibid. T. 3. P. 329.

⁶¹ Ibid. T. 4. P. 108.

⁶² Ibid. T. 3. P. 515.

⁶³ Ibid. T. 4. P. 289.

⁶⁴ Ibid. P. 330—331.

⁶⁵ Ibid. P. 136.

кость всегда свойственна врагам народа, а неосторожность, безрассудство, слепая доверчивость — народной партии». В этом, по его словам, прежде всего заключается «полезный урок» для всех истинных друзей народа ⁷⁴. По существу, Кабе верно подмечает важную особенность народных демократических движений конца XVIII в. — их политическую несамостоятельность, зависимость от буржуазии. Но он, разумеется, далек от понимания объективных причин этого исторически преходящего явления, корнящегося в незрелости антагонизмов капиталистического строя в ту пору. Кабе все сводит к факторам этического порядка. Он считает, что народу извечно присущи высокие нравственные качества, обуславливающие его моральное превосходство над общественными верхами. «...именно в народе, — пишет он, — встречается больше всего естественных, гуманных и великодушных чувств и меньше всего — несправедливости» ⁷⁵. Но это, согласно Кабе, и делает его особенно уязвимым для врагов. Словом, временную незрелость движения трудящихся Кабе возводит в ранг всеобщей закономерности истории, подтверждаемой опытом революции. Учитывая ее и руководствуясь при этом интересами народа, он и подвергает сомнению приемлемость революции как средства борьбы за народное благо.

Все приведенные выше суждения Кабе относятся лишь к тем революциям, которые направлены против аристократической и деспотической «системы», т. е. таких режимов, какими были, по его мнению, французская монархия до 1789 г., Реставрация 1814—1830 гг. и даже в какой-то мере Июльская монархия.

Но в «Народной истории Французской революции» эта проблема ставится и в другом плане — революции как средства изменения социальной «организации». Рассматривая ее под этим углом зрения, Кабе со всей определенностью отвергает применение насилия для осуществления строя общности.

То, как Кабе решал проблему роли революций, во многом обусловлено его трактовкой классовой борьбы. Из признания антагонизма между аристократией и третьим сословием вытекает возможность и даже необходимость антиаристократической революции. Напротив, отрицание антагонизма внутри бывшего третьего сословия, или «демократии», или «нации» заставляет соответственно искать компромисс между народом и буржуазией при отказе от антибуржуазной революции. Примечательно следующее: стоило только в дальнейшем Кабе усомниться в возможности их примирения, как это отозвалось его сочувственным откликом о революционном выступлении рабочих против буржуазного строя в 1848 г.

При всех заблуждениях Кабе в самой постановке вопроса о революциях в двух различных планах заключено рациональное зерно — смутное понимание несовместимости обоих типов обще-

ственного переворота — политической революции, ограничивающейся преимущественно изменением государственного устройства, и глубокого преобразования всего общества, начиная с лежащих в его основе форм собственности. Этим отчасти и объясняется резкое осуждение Кабе заговорщической или, согласно его выражению, «повстанческой» тактики, которую он ошибочно отождествляет с революционным путем борьбы вообще ⁷⁶. Он считает, что присущими политической революции средствами и методами нельзя осуществить строй общности, т. е. решить задачи иного, бесконечно большего масштаба ⁷⁷. Но эта мысль находит у Кабе весьма упрощенное выражение в противопоставлении «насилия меньшинства», к которому якобы сводится суть революционных методов, «силе общественного мнения», будто бы единственно способной установить строй общности ⁷⁸.

Осуждение насильственного, революционного пути перехода к коммунистическому строю заставляет Кабе выступить против призывов к немедленной ликвидации частной собственности, лишь разжигающих вражду между буржуазией и народом. «...Вероятно, — пишет Кабе, — ничто в большей мере не противоречит философии, принципу братства и подлинным интересам обездоленных, чем подстрекательство к полному разграблению имущества богатых и счастливых классов... поскольку это насилие порождает насилие, не способствуя порядку...» ⁷⁹ Переход к новому общественному строю должен «обеспечить достаток бедняка, не разоряя богача» ⁸⁰.

Подчеркивая разномасштабность задач антиаристократической и антидеспотической революции, с одной стороны, и коренного переворота в общественном строе — с другой, Кабе далек от полного их противопоставления. Опыт Французской революции подсказал ему возможность связать их как последовательные этапы полного преобразования общества. Роль связующего звена Кабе отводит особому «переходному периоду». Его назначение заключается в том, чтобы после победы антиаристократической и антидеспотической революции «заблаговременно подготовить умы к

⁷⁶ Следует учитывать не очень строгое употребление Кабе термина «революция». Как свидетельствует полное название его первой историко-публицистической книги, этим словом он обозначал не только буржуазные «политические» революции, но и народные восстания 1789 и 1792 гг., и государственный переворот 1799 г. «Революцией» Кабе называет даже глубокое изменение в правах и обычаях. См.: Кабе Э. Указ. соч. Ч. 2/3. С. 107. Впоследствии он охарактеризует осуществление строя общности как «самую глубокую реформу, самую полную революцию, подлинное возрождение» (*Cabet E. 12 lettres d'un communiste à un réformiste sur la communauté. P., 1845. P. 144*).

⁷⁷ Отвечая на вопрос: можно ли установить общность мгновенно, сразу, Кабе вскоре напишет: «Нет, потому что переход к общности — самое длительное из всех преобразований, потому что материально невозможно осуществить общность до истечения более или менее продолжительного времени» (*Cabet E. Comment je suis... P. 6*).

⁷⁸ Cabet. HPRF. T. 4. P. 334.

⁷⁹ Ibid. T. 2. P. 105.

⁸⁰ Ibid. T. 1. P. VII.

⁷⁴ Ibid. T. 4. P. 234.

⁷⁵ Ibid. P. 231.

строю общности»⁸¹. Политической формой «переходного периода» должна явиться демократическая диктатура, обеспечивающая на практике «примирение» интересов всех классов на основе доктрины общности. Ее прообразом и в какой-то мере даже образцом служила Кабе якобинская диктатура.

Таким образом, если в начале 1830-х годов опыт Французской революции XVIII в. служил Кабе опорой при разработке программы мирной демократической реорганизации Июльской монархии, то теперь он используется для создания концепции мирного перехода к строю общности. При этом сохраняется преемственность основных исходных положений обеих. Имеются в виду его представления о противоположности старого порядка новому, который теперь отождествляется со строем общности, о единстве «высших интересов» буржуазии и народа, о неизбежности внешней войны, которую теперь Кабе рассматривает как предпосылку мирного установления демократической диктатуры.

Даже если принять на веру признание Кабе, что идея общности впервые «поразила» его и заставила «серьезно задуматься» лишь при чтении «Утопии» Т. Мора в лондонском изгнании⁸², то и тогда совершенно очевидно, что без критического осмысления опыта буржуазных революций он вряд ли совершил бы решающий шаг от реформаторства к коммунизму. Исторические занятия не только помогли Кабе распрощаться с прежними иллюзиями относительно способности политических (читай: буржуазных) революций и частичных реформ привести к созданию нового демократического порядка. Они, безусловно, способствовали и конкретизации его поначалу туманного общественного идеала и питали, особенно Французская революция XVIII в., его уверенность в практической достижимости коммунистического строя. Разве, писал он, «революция, Учредительное и Законодательное собрание, Конвент не осуществили тысячи замыслов, которые тоже когда-то представлялись несбыточными»⁸³. Внутренняя надежда на исполнимость самых смелых планов преобразований, Французская революция оказала глубокое позитивное влияние на развитие всей общественной мысли XIX в.

Хотя Кабе переносил на современную ему действительность некоторые уже во многом изжитые черты прошлого, новые явления общественной жизни в общем не прошли мимо его внимания. Так, выделяя в качестве особой социальной группы (о научном понимании класса у Кабе не может быть и речи) «рабочих», «пролетариев», он отмечает их специфические интересы и требования — о повышении заработной платы, создании профессиональных союзов, праве на забастовку и др. Поэтому рисуемая им картина противоречий между трудящимися и буржуазией довольно конкретна и реалистична. Но это не мешает Кабе упорно воз-

вращаться к исходному тезису своей доктрины — о единстве «высших интересов» буржуазии и народа.

Противоречие между реалистическими и утопическими чертами, которое обнаруживает Кабе, в дальнейшем исподволь подтачивало его утопически-коммунистическую систему. В результате он рано или поздно был вынужден встать перед выбором: либо вопреки системе выступить в социальном конфликте эпохи на стороне пролетариата, либо в угоду системе открыто примкнуть к буржуазии. Но, как показали события, Кабе не решился на первое, а второе ему было глубоко чуждо. То, что он выбрал, — условно говоря, «третий путь» — было, по удачному выражению Пьера Анграна, «бегством в утопию»⁸⁴.

В мае 1847 г. Кабе призвал своих многочисленных сторонников к организованному переезду в Америку в целях основания коммунистической общины. Этот план означал по существу, отказ от первоначальной установки Кабе на осуществление строя общности в масштабах всей Франции, исключавшей «частичные опыты общности, успех которых принесет мало добра, но неудача, почти несомненная, принесла бы много вреда»⁸⁵. Решение об отъезде отражало кризис идеологии и практики утопического коммунизма.

Но решающим испытанием явилась революция 1848 г., которая задержала реализацию плана эмиграции «икарийцев». Кажется, она вернула Кабе надежду на глубокие общественные преобразования в самой Франции. Он с самого начала поддержал революцию и принял в ней активное участие, встав во главе влиятельного демократического клуба «Центральное братское общество». Однако его энтузиазм вскоре сменился разочарованием, а кровавый разгром парижских рабочих в июне 1848 г. развеял последние иллюзии. Осенью того же года Кабе опубликовал брошюру «Восстание 23 июня», в которой попытался осмыслить уроки поражения революции.

Ниспровержение Июльской монархии Кабе воспринял как начало новой политической революции. Ее задачу он видел в установлении «переходного режима, который будет сохраняться более или менее долго и окажется не чем иным, как демократической и социальной республикой, последовательно и постепенно ведущей к режиму полного братства, равенства и общности»⁸⁶. Условием создания такой республики Кабе считал восстановление «мира и порядка» в стране путем «примирения интересов» всех классов⁸⁷.

Фактическое развитие революции, однако, опровергло прогнозы Кабе. Согласно его собственному определению, весьма справедливому, содержанием революционных событий весны и лета 1848 г. явилась «социальная война между народом и буржуази-

⁸¹ Ibid. Т. 4. Р. 305.

⁸² Кабе Э. Указ. соч. Ч. 2/3. С. 462.

⁸³ Cabet. HPRF. Т. 4. Р. 329.

⁸⁴ Angrand P. Op. cit. P. 29, 74.

⁸⁵ Кабе Э. Указ. соч. Ч. 2/3. С. 489.

⁸⁶ Cabet, 23 juin. P. 23.

⁸⁷ Ibid. P. 24.

ей»⁸⁸. В оценке революции 1848 г. Кабе, по существу, отрешается от той устаревшей схемы, которая была канонизирована опытом конца XVIII в. и которую он на протяжении многих лет прилагал к действительности. Он сбрасывает со счетов конфликт между аристократией и «демократией», которому раньше отводил определяющую роль. «Во Франции,— пишет теперь Кабе,— можно различать четыре крупные партии: легитимистов, орлеанистов, бонапартистов и республиканцев. То, что мы сегодня называем реакцией, представляет собой разнородное объединение трех первых партий против четвертой. Следовательно, мы можем различать только буржуазию, находящуюся в состоянии борьбы с народом»⁸⁹. Этот вывод решительно приблизил Кабе к пониманию антагонизма буржуазного строя.

Центральным, критическим моментом революции Кабе считает июньское восстание рабочих, анализу которого в брошюре уделено основное место. Он ясно отдает отчет в том, что цели восстания выходят за очерченные им в своей программе рамки. «Это,— пишет Кабе,— не столько политическое, сколько социальное восстание, восстание в защиту труда и существования»⁹⁰. В устах убежденного противника насильственных методов борьбы за коммунистический строй — это ценное признание. Более того, Кабе открыто солидаризуется с повстанцами, выражая сожаление о допущенных ими тактических ошибках, липивших их не только возможной, как он считает, но и законной победы, в которой «история увидела бы не большее преступление, чем в победе 24 февраля»⁹¹.

Тем не менее Кабе по-прежнему далек от последовательно пролетарской позиции. «...Как преданного слугу человечества,— заявляет он,— меня народ в общем интересует не больше, чем буржуазия, а буржуазия не меньше, чем народ»⁹². Правда, в другом месте он отмечает, что его все же «больше интересует народ, который в настоящее время более несчастен»⁹³. Но его сознание, по-видимому, не в силах переступить барьеры из устаревших схем, не изжитых до конца иллюзий, прежнего, во многом утратившего свое практическое значение опыта. В своих конечных выводах и оценках относительно причин поражения революции 1848 г. и перспектив общественного развития Франции он остается верен своей утопической системе.

«Социальную войну» между буржуазией и народом Кабе и на этот раз воспринимает как трагическую случайность, ответственность за которую несут «слишком эгоистичные, любящие удовольствие, честолюбивые и неспособные люди», захватившие руководство республиканской партией»⁹⁴.

Восстановление мира и доверия между буржуазией и народом Кабе рассматривает как условие решения изначально стоявших перед революцией задач. «Следует,— поучает он,— сойти с пагубного пути реакции, даже вернуться назад, чистосердечно принять революцию, равно как и демократическую и социальную республику, и начать с того, что объявить всеобщую амнистию без исключения»⁹⁵. Но сам он не верит в осуществимость этого плана. С горечью Кабе признается: «В будущем мы видим только расколы, ненависть, жажду мщения, разруху, войны, возможно, иностранное вторжение, восстания и революции... Да, мы приближаемся к распаду общества, к социальному катаклизму»⁹⁶.

Преимущественно политико-юридический, морально-этический подход к рассмотрению явлений общественной жизни, рационалистическая система его воззрений на общество помешали глубокому проникновению Кабе в суть противоречий капитализма. Под влиянием опыта революции 1848 г. Кабе ощутил полный разлад с действительностью. Осенью 1848 г. он ускоряет осуществление проекта массового переезда сторонников «икарийского коммунизма» в Америку. В декабре и сам Кабе отправляется вслед за первыми группами переселенцев-«икарийцев». Хотя он и не порывает связей с Францией, его деятельность отныне посвящена преимущественно руководимой им за океаном коммунистической общине.

Подводя итог рассмотрению историко-публицистических произведений Кабе, можно утверждать, что каждое из них отражает определенный этап его идейной эволюции: «Революция 1830 г.» — этап радикализации буржуазно-демократических воззрений под влиянием Июльской революции, «Народная история Французской революции» — оформления коммунистической теории во второй половине 1830-х годов, «Восстание 23 июня» — нарастающего кризиса его теоретических воззрений. Они содержат ценные сведения, проливающие свет на малоизученные стороны его учения. Прежде всего они помогают объяснить, как складывались представления Кабе об общественном развитии — его движущих силах, роли партии и классов, возможных путях прогрессивных преобразований и т. д., выявляют их определенную преемственность на протяжении всего периода от начала 1830-х годов до 1848 г. Они также свидетельствуют о том, что размышления об опыте буржуазных революций оказали большое влияние на формирование и развитие коммунистических убеждений Кабе. Это влияние отчетливо прослеживается по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, в 1830-е годы исторические запятия Кабе способствовали более конкретному и глубокому пониманию половинчатости буржуазных революций, их неспособности ни осуществить подлинную демократию, ни улучшить материальное положение народных масс. Во-вторых, извлекаемые Кабе из

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Ibid. P. 27.

⁹⁰ Ibid. P. 17.

⁹¹ Ibid. P. 45.

⁹² Ibid. P. 26.

⁹³ Ibid. P. 54.

⁹⁴ Ibid. P. 23, 34, 36.

⁹⁵ Ibid P. 58.

⁹⁶ Ibid.

опыта революций уроки обусловили ряд важных черт его утопически-коммунистической теории, в частности, они легли в основу его концепции перехода к коммунистическому строю. Эти констатации, разумеется, не исчерпывают тему истоков мировоззрения Кабе. Так, они не снимают проблемы влияния на него идейного наследия Просвещения.

Историко-публицистические работы Кабе проясняют в первую очередь его взгляды на роль революции как средства преобразования общества. Они свидетельствуют о том, что на протяжении 1830—1840-х годов Кабе, выступая против «повстанческих», т. е. заговорщических, методов борьбы, допускал возможность и даже неизбежность народной революции, если «путь мирных реформ», которому он отдавал предпочтение, будет закрыт из-за сопротивления реакции⁹⁷. Но, допуская при таких обстоятельствах антиаристократическую и антидеспотическую революцию, Кабе отвергал политическую революцию как путь перехода к коммунистическому строю. Понимая различие и несопоставимость задач буржуазных революций, которые ограничивались в основном изменением политической надстройки общества, с задачами социального переворота, затрагивающего его основу — собственность, Кабе приходил к выводу о неизбежности коренного различия и в методах осуществления несходных по глубине типов общественных преобразований. Однако он считал, что политическая революция может послужить предпосылкой социального переворота, кладя начало «переходному периоду», в течение которого постепенно происходит ликвидация частной собственности и перестраиваются все общественные отношения.

Взгляды Кабе на роль революции тесно связаны с его решением вопроса о классовой борьбе. Кабе на протяжении всего рассматриваемого периода признавал классовую борьбу, хотя и в ее буржуазно-либеральном понимании. Но в ее трактовке у Кабе с самого начала обнаружилась некая непоследовательность, со временем развившаяся в противоречие. В отличие от либерально-буржуазных историков Кабе не только не пытался приуменьшить значение конфликта между буржуазией и народом, но всячески подчеркивал его остроту. А в своем изображении революции 1848 г. он уже отвел ему определяющую роль. И что важно подчеркнуть, в социальной борьбе между буржуазией и народом Кабе неизменно, при всех своих претензиях на роль стоящего «над схваткой» защитника «высших интересов» нации, высказывался в поддержку народа, его интересов, его справедливых целей борьбы. В 1848 г. Кабе прямо солидаризовался с июньским восстанием рабочих, в котором он явно почувствовал попытку уничтожения самого буржуазного строя. Позиция, которую тогда занял Кабе, весьма симптоматична — она свидетельствует о том,

что, близко подходя на основании собственного опыта и вопреки жестким схемам своей утопической системы к признанию антагонистического характера противоречий при капитализме, Кабе был близок к отказу от своего прежде последовательного отрицания революционной борьбы против господства буржуазии.

Но, по-видимому, непреодолимым препятствием закреплению и развитию этих сдвигов в воззрениях Кабе послужило его прочное убеждение в неспособности трудящихся масс к самостоятельной политической борьбе. Ошибки июньских повстанцев 1848 г., которые Кабе подробно проанализировал, лишний раз показали ему, что без «просвещенного» руководства народное движение обречено на поражение. Хотя перспектива восстановления единства буржуазии и народа выглядела все иллюзорней, альтернативы ей Кабе не видел. Правда, у Кабе проскальзывают нотки «вождизма». Так, в брошюре «Восстание 23 июня» он утверждает: «Если бы я был членом Временного правительства, то, уверен, я бы спас положение»⁹⁸. Но в конечном счете Кабе не смог удовлетворительно решить для себя проблему политического авангарда народного движения.

В 1840-е годы в отношении Кабе к революции и классовой борьбе проявилась внутренняя противоречивость его мировоззрения. Он не был лишен наблюдательности, политического чутья и проницательности, обращавших внимание всех, кто более детально знакомился с его деятельностью. Однако мысль его всегда возвращалась к незыблемым принципам равенства, братства, справедливости, разума и пр., служившим ему основными ориентирами в стихии общественной жизни. К сколько-нибудь глубокому пересмотру своих иллюзий и отживших схем он оказался неспособным. В этом недостатке теоретической смелости, очевидно, в первую очередь проявилась известная поверхностность его воззрений, в том числе его утопически-коммунистического учения, которую отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс⁹⁹.

Представления Кабе эклектичны. В его сознании соединялись весьма противоречивые идеи. Но ошибочно ограничиваться анализом особенностей его индивидуального сознания. Следует ставить проблему и в более широком плане — как отражение в воззрениях Кабе реального исторического развития первых десятилетий XIX в., которое характеризовалось переплетением черт, унаследованных от дореволюционной, докапиталистической и доиндустриальной эпохи, и новых, связанных с последствиями буржуазных революций, развитием капитализма, ростом фабрично-заводской индустрии, подъемом классовой борьбы пролетариата.

Наконец, пример Кабе важен для анализа влияния революций на общественную мысль последующего времени. Движение за социальное преобразование имеет во Франции политическое

⁹⁷ Впоследствии он напишет: «...мы предпочитаем реформу, не отвергая революцию, когда общественное мнение объявит ее необходимой» (*Cabet E. Les masques arrachés. P., 1844. P. 27*).

⁹⁸ Cabet, 23 juin. P. 24.

⁹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2 С. 146.

происхождение, писал Ф. Энгельс в 1843 г., подчеркивая, что именно революция 1830 г. «вызвала к жизни» современный, «более мощный вид коммунизма»¹⁰⁰. Это наблюдение прямо относится к характеристике учения Кабе. Именно разочарование итогами Июльской революции подтолкнуло его к идейному разрыву с буржуазными либералами, к более критической оценке действительности и — как результат — выработке коммунистических убеждений. На этом фоне и сыграл важную роль интерес Кабе к истории Великой французской революции XVIII в. К ее опыту он обратился, чтобы развеять собственные сомнения, и нашел в нем то, что хотел, — подтверждение истинности доктрины «подлинного равенства». В этой связи специального внимания заслуживает вопрос об отношении Кабе к идейному наследию революции, в частности к идеологии якобинизма и бабувизму. В целом без учета влияния размышлений Кабе об опыте Французской революции, равно как и революций 1830 и 1848 гг., нельзя понять некоторых существенных черт ни его мировоззрения и идейной эволюции вообще, ни коммунистически-утопической теории.

¹⁰⁰ Там же Т. 1. С. 529.